

TATIANA KANANOWICZ

КАТЕГОРИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ПАРАДИГМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Понятие безличности является одним из наиболее объемных в языкознании. Большой вклад в его разработку внесли русские (Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, А.А. Шахматов и др.) и польские (З. Клеменевич, А. Красновольски, С. Шобер и др.) ученые. Далее в статье будут рассмотрены разнообразные трактовки безличности, представленные в (чаще всего) дихотомных категориях. Наиболее полное освещение в статье получают работы российских и польских исследователей.

Наличие в русском языке глаголов с неполной личной парадигмой позволило говорить о существовании безличных глаголов, а затем – и о существовании безличных предложений, основное ядро которых формируется как раз-таки безличными глаголами. К безличным глаголам «Русская грамматика '80» относит глаголы в форме 3 л. ед. ч. Форма эта «может представить действие как бессубъектное, т.е. происходящее независимо от деятеля (лица или предмета): *светает, смеркается, знобит, нездоровится*. Такое употребление формы 3 л. ед. ч. называется безличным, оно является основным для глаголов, лексическое значение которых несовместимо с представлением о производителе действия» (Шведова et al. 636–637). К группе безличных глаголов были отнесены:

Dr TATIANA KANANOWICZ – Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich, Zakład Języka Rosyjskiego i Przekładoznawstwa; adres do korespondencji: ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk; e-mail: tatiana.kananowicz@ug.edu.pl. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1156-5934>.

TATIANA KANANOWICZ, PhD – University of Gdańsk, Philological Faculty, Institute of Russian Philology and Eastern Studies, Division of Linguistics and Translation Studies; address for correspondence: ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk; e-mail: tatiana.kananowicz@ug.edu.pl. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1156-5934>.

1) глаголы без постфикса *-ся*, называющие: а) состояние природы: *вечереет, вывездит, морозит, рассветает, светает, холодает*; б) физическое или психическое состояние живого существа: *знобит, першит, рвет, саднит, тошнит, полегчает* (прост.), *разнесет* ‘раздует, сделает пухлым, толстым’ (разг.); *везет* (об удаче в делах, игре; разг.), *взорвет* (о неожиданном гневе, раздражении; разг.), *тянет, подмывает* (о сильном желании совершить что-н.; разг.), *приспичит* (разг.), *угораздит* (раз.); в) наличие или отсутствие, недостаток чего-н.: *хватит, хватает, станет, достанет, недостаает*; г) долженствование: *следует, надлежит, подобает*.

2) глаголы с постфиксом *-ся*, называющие: а) желание, возможность действия: *вздумается, доведется, приведется, хочется*; б) состояние субъекта (обычно живого существа): *(не) верится, дремлет, думается, дышится, живет, (не) ложится, нездоровится, неможется, плачется, (не) сидится, (не) спится*; в) состояние природы: *смеркается, смеркнется* (Шведова 637).

Именно эти глаголы образовали впоследствии центр грамматической (морфолого-синтаксической) категории безличности, охватывающей односоставные предложения без подлежащего, которые, в отличие от других односоставных предложений – обобщенно- и неопределенно-личных, – сообщают «о таких состояниях предметов или окружающей среды, возникновение которых никак не связано с волей человека» (Федосюк 87).

Наиболее полная классификация таких безличных предложений приводится в работе Е.М. Галкиной-Федорук. Как уже было сказано, в первую очередь к ним относятся предложения со сказуемым, выраженным безличным глаголом: невозвратным (*светает, тошило, заметет, дует*) или возвратным (*смеркается, нездоровится, хочется, не спится*); предложения со сказуемым, выраженным глаголами бытия, существования в сочетании с родительным падежом: *не хватает силы, хватает денег, нет воды, не было времени, не будет войны*; инфинитивные предложения (*не видать бы тебе злого горюшка, не сметь ходить*); предложения, сказуемое которых выражено краткой формой страдательных причастий (*сказано – сделано, куплено*); предложения с именным сказуемым и именным сказуемым в сопровождении инфинитива (Галкина-Федорук 126-127).

В таком виде (с возможными модификациями – сокращениями или дополнениями)¹ категория безличности перекочевала в учебники по синтаксису русского языка, в том числе для иноязычной аудитории (см. Lachur), стала основой сравнительного анализа (см. Doros), упоминается в некоторых авторитетных русских грамматиках, например, в *Русской корпусной грамматике*.

Наблюдения над безличностью не ставили целью исключительно описание таких конструкций в отдельных языках, – они становились отправной точкой для обобщений относительно развития языка вообще². В появлении и закреплении в языке безличных предложений некоторые ученые видели процесс потери субстанциональности и усиления глагольности, ср., напр., обобщение взглядов А.А. Потебни относительно данного вопроса, приводимое Е.М. Галкиной-Федорук: «Бессубъектные предложения и есть конечный результат происходящего процесса в языке. Первичная стадия языка субъектна. В дальнейшем в силу тех или иных причин субъект бледнел в сознании человека, затем исчезал и устранялся. Причиной исчезновения субъекта в языке служило: 1) тотемистическое представление, т.е. умалчивание имени тотема, 2) неизвестность действующей причины из-за недостаточной осведомленности о законах природы. Исчезало представление о деятеле – исчезало и слово, его обозначающее» (Галкина-Федорук 73).

В таком понимании безличности было изначально заложено противоречие: лицо глагола на самом деле определимо (3-е!). Это приводит к попыткам переименовать категорию. Например, Е.М. Галкина-Федорук для именованной безличных предложений использует синоним *бессубъектные*, указывая, что именно так такого рода конструкции называются в западноевропейском языкознании (Галкина-Федорук 40), ср. также ее определение безличных предложений: «Безличные предложения, состоящие из одного сказуемого, являются формой грамматического выражения особого суждения, в котором словесно обозначен только логический предикат, а логический субъект не получил своего словесного выражения, так как в этих предложениях имеется только представление о предмете суждения, не прошедшее процесса вербали-

¹ Ядро категории составляют предложения с безличными глаголами, личными глаголами в безличном употреблении и инфинитивные предложения. Но некоторые исследователи рассматривают инфинитивные предложения как отдельный тип односоставных предложений, напр. М.Ю. Федосюк в указанной выше работе; разногласия возникают и относительно других перечисленных выше видов предложений.

² Некоторые аспекты дискуссии реферируются в работе А. Дороса (см. Doros).

зации, т.е. это представление о предмете или явлении не перешло посредством слова в логическое понятие» (Галкина-Федорук 39). Но и такой подход, а также оба термина – *безличность* и *бессубъектность* – становятся объектом критики. Например, Г.А. Золотова отмечает, что все предложения, относимые к безличным на том основании, что в них нет субъекта действия, не могут так называться, поскольку: 1) обозначают не действие, а состояние, 2) в них – в том или ином виде – субъект состояния присутствует, ср.: «Именование глаголов типа (а) *знобит, лихорадит, тошнит, мутит*, а также (б) *морозит, смеркается, светает* и под. «безличными» оправдано отсутствием у них парадигмы лица (как и числа), их положением вне морфологической парадигмы. Но свое существование они реализуют только в предикативном сопряжении в категориях времени и модальности с именем субъекта-носителя названного признака: сема лица содержится в самом лексическом значении глаголов группы (а) и сема-места-пространства в глаголах группы (б). Глаголы группы (а) преодолевают «безличность» синтаксически: личная парадигма их воссоздается в предикативном сочетании: *Меня тошнит, мутит, лихорадит, Тебя тошнит, Его, ее, нас, вас, их тошнит, мутит, лихорадит*. Лексико-морфологический признак «безличности» глаголов оборачивается синтаксическим признаком личности. Глаголы группы (б) также формируют двусоставное предложение с локус-подлежащим, уже не «безличное», но ограниченное рамками 3-го лица и «неличности» субъекта. Точнее было бы назвать предложения группы (б) *неличными*» (Золотова 105).

Также А.В. Бондарко, говоря о роли безличных конструкций в поле функционально-семантической категории персональности, указывает на неадекватность термина по отношению к явлениям, им охватываемым, и на неоднородный характер самих явлений, ср.: «Термин «безличность» по своей внутренней форме связан с категорией лица. С этим сопряжено и широко распространенное рассмотрение безличности при описании категории лица. Однако по своему существу безличность – структурно-синтаксическое явление (это всегда бесподлежащность, хотя и далеко не всегда бессубъектность в смысле отсутствия семантического субъекта). Безличные конструкции, на наш взгляд, целесообразно рассматривать прежде всего при анализе семантической категории и поля субъектности. Возможно и рассмотрение безличных конструкций с точки зрения реализации в них семантической категории персональности. Однако с этой точки зрения безличные конструкции разно-

родны. Разные типы безличности выявляют разные типы семантики и средств выражения персональности» (Бондарко 579).

Интересен тот факт, что терминологическое противоречие изначально снимается в польской лингвистике, где предложения данного типа называются бесподлежащими или предложениями без подлежащего в форме Им. п. (*zдания bezpodmiotowe / bezmianownikowe*). Их ядро образуют глаголы с неполной личной парадигмой (*czasowniki niefleksyjne / niewłaściwe*), обозначающие физиологические или атмосферные явления, а «*istotą zdań bezmianownikowych jest to, że tworzące je predykaty wskazują na zjawiska, w których nie można wydzielić agensa (podmiotu)*» (Grzegorzczukowa 61). Р. Гжегорчикова выделяет 8 семантических групп таких глаголов (61-63). С грамматической точки зрения в категорию бесподлежащности включены собственно безличные глаголы (*pada, mżu, świta*), предложения с семантикой состояния с пониженным субъектом (*Mdli go; Kręci mi się w głowie*), инфинитивные предложения (*Słuchać wrzawę; Widać wieżę*), предложения со сказуемым, выраженным предикативом (*ciepło, zimno, duszno, słonecznie*), предложения с модальными словами (*należy, trzeba, wolno, można*) и нек.др. (см. также Копецзна).

В русском языкознании в связи с неудовлетворенностью термином безличность и стоящей за ним множественностью явлений (лицо – подлежащее – субъект) появляются попытки разграничить объекты исследований с одной стороны, а с другой – придать им другой масштаб. Происходит переход от узко грамматической категориальности к семантической, а в плане средств ее выражения – от категориальности морфолого-синтаксической к общеязыковой. Наиболее полно эта «новая» категориальность оформляется в понятии функционально-семантических категорий (далее ФСК) А.В. Бондарко. Разграничение объектов исследования, традиционно связывавшихся с безличностью, в функциональной грамматике А.В. Бондарко проходит по линии *персональность – субъектность*. И хотя обе категории рассматриваются отдельно, они, как отмечает сам автор, во многих случаях пересекаются (Бондарко 546).

Функционально-семантическая категория персональности формируется вокруг понятия лица и – в соответствии с методологией исследования ФСК – выходит за пределы форм лица глаголов и местоимений, ср.: «Поле персональности трактуется нами как группировка разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных – лексико-грамматических) средств данного языка, служащих

для выражения различных вариантов отношения к лицу. Основанием для истолкования персональности как функционально-семантического поля (является тот факт, что глагольные и местоименные формы лица взаимодействуют друг с другом и с иными средствами выражения отношения к лицу, образуя в данном языке определенную систему, в которой выделяются центральные и периферийные компоненты» (Бондарко 548). Грамматическим центром поля персональности являются глагольные и местоименные формы 1-го и 2-го лица со значением определено-личности, ближайшую периферию образуют формы 2-го лица со значением обобщенно-личности. Далее находятся формы 3-го лица, связанные именно с указанием на лицо (лица), в том числе формы с семантикой неопределенно-личности (неопределенность класса «третьих лиц» (546)). Дальше всего от центра расположены формы предметного 3-го лица, а также безличные формы. Среди других периферийных средств выражения персональности автор называет формы личных местоимений в косвенных падежах, выступающие в роли дополнений со значением субъекта (*Тебе дежурить; Нами было отмечено...*) и объекта (*Скажу тебе...; От тебя я этого не ожидал*), формы притяжательных местоимений *мой, твой, его* и проч. (Бондарко 572-573)

Такое понимание персональности приводит к разработке функционально-семантической оппозиции *персональность – ин-персональность* в работах Н.А. Тупиковой. Глагольные словоформы, способные выражать отношение между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), имеющим статус подлежащего, относятся к категории персональности. Строение поля категории персональности взято из исследований А.В. Бондарко: в его центре находятся презентные формы 1, 2 л. и претериальные формы, которые противопоставляются глагольным формам 3 л.; на периферии расположены презентные формы 3 л. и претериальные формы, функционально обособленные от указания на участников акта речи (Тупикова 55). К ин-персональным относятся глагольные формы, способные выражать отношения между действием (состоянием) и его субъектом, не выраженным подлежащим. Как отмечает исследовательница, «синтезирующим свойством ин-персональных форм является степень участия субъекта в описываемых событиях» (Тупикова 58)³. Ядро поля ин-персональности формируется инфинитивом, ближайшую периферию составляют безличные глаголы, дальнюю – личные

³ Наверное, более корректной формулировкой в данном случае была бы «степень неучастия субъекта в описываемых событиях».

глаголы в безличном употреблении. Как видно, рассматриваемая автором категория практически полностью повторяет морфолого-синтаксическую категорию безличности (с иной иерархией глагольных форм), но преподносится под другим названием, что вполне вписывается в тенденцию обозначить данное явление более адекватно, ср.: «Принципиально разграничивая в исследовании содержание понятий *имперсональный* и *ин-персональный*, мы имеем в виду прежде всего то, что *безличность* (*имперсональность*) выступает как составная часть выделяемой нами ФСК *ин-персональности*» (Тупикова 5). И хотя состав средств, формирующих категорию, практически не изменился (по сравнению с безличностью), в ее центре – субъект и его невыраженность подлежащим, т.е. отход от грамматической категории лица и обращение к глубинной семантике предложения. В этом понимании ин-персональность ближе к субъектности, чем персональности.

Субъектность связывается А.В. Бондарко с субъектно-предикатно-объектными отношениями и ситуациями. Центр этой категории формируют предложения, в которых С (субъект) – «субстанция, являющаяся источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака» (Бондарко 627) – является подлежащим, ср.: «Среди разнообразных средств выражения субъекта основным, центральным, наиболее специализированным и регулярным является выражение субъекта подлежащим (в форме им. падежа) при предикате, выраженном глаголом-сказуемым» (Бондарко 625). При переходе от центра к периферии наблюдается смещение субъекта с позиции подлежащего, выражение его формами косвенных падежей и совмещение в нем значения субъекта с иными значениями. Автор называет это явление *сопряженной субъектностью* и приводит следующие ее разновидности:

1. Функция С действия сопряжена с косвенно-объектной функцией орудия и обстоятельственной функцией причины в едином синкретическом комплексе «орудие – субъект – причина» (*Лодку унесло течением; Дорогу замело снегом*);

2. Инфинитивные конструкции с дат. падежом существительного или местоимения (*Вам придется сдать оружие*);

3. Конструкции с С, выраженным формой косвенных падежей (*Ее здесь не было*);

4. Предложения типа *Мне не спится* (Бондарко 637-639).

На периферии поля располагаются также предложения с имплицитным С («например, инфинитивные конструкции с оптативным значе-

нием: Поесть бы; Отдохнуть бы – в тех условиях, когда ситуация речи и/ или контекст обуславливают импликацию С, в роли которого выступает говорящий (имеется в виду ‘мне’)» (Бондарко 645).

Особым случаем субъектно-предикатно-объектных отношений является залоговость, рассматриваемая автором отдельно Бондарко 589-620).

При продвижении от центра поля категории субъектности к его периферии (т.е. бессубъектности) для нас наибольший интерес представляют способы ее (бессубъектности) выражения, но в работе А.В. Бондарко они не перечисляются.

С этой точки зрения более полной представляется функционально-семантическая категория, также связанная с субъектом, но неопределенным, введенная В.Г. Гаком и названная им неопределенноличностью (Гак 84–99). При этом автора интересует не неопределенное лицо вообще, а неопределенное лицо деятеля. В центре категории находятся сочетания типа *какой-то человек, один человек, люди*, а также неопределенные местоимения: *кто-то, кто-нибудь, кое-кто, некто*. К вторичным способам выражения неопределенноличности относятся отдельные категории слов (*человек, люди*), некоторые глагольные формы (3-е лицо мн. ч. без подлежащего) и некоторые синтаксические конструкции (синтетические формы). Последние наиболее интересны, они связаны с устранением указания на семантическое лицо деятеля, ср.: «Неопределенным деятель оказывается в двух случаях: или когда он действительно неизвестен, или когда он известен, но по тем или иным причинам не называется» (там же 90). Выделяются следующие способы устранения лица деятеля:

а) уменьшение валентности глагольного узла: при помощи пассивной конструкции (*Книга обсуждена (=обсудили), На этом заводе перевыполнен план (=перевыполнили)*); при помощи возвратно-пассивной конструкции (*Строится радиоцентр (=строят); Вопрос обсуждается на собрании (=обсуждают)*); при помощи возвратно-каузативной конструкции (отсутствует в русском языке); при помощи безличных конструкций, особенно характерных для русского языка при отрицании: *Ничего не ожидается (=не ожидают); Никакой беседы не велось (=не вели); Что тут можно было сделать? (=могли)*;

б) разного рода номинализации (субъектные и объектные);

с) конструкций с глаголами-конверсивами (*Петр получил книгу – Петру прислали книгу*); d) возведение обстоятельства места в подлежа-

щее (*В классе шумят*); е) метонимические описания (*Телефон кончил надрываться*) (Гак 91–93).

При этом подходе наблюдается совмещение категорий лица и субъекта, однако категория лица здесь второстепенна, на самом деле речь идет о субъекте действия (деятеле).

Дальнейшее развитие исследований явлений, связанных с безличностью, идет по направлению к концентрации на субъекте деятеля/ действия (агенса) и к разработке связанных с ним категорий, в названиях которых отражается суть описываемого явления: *деагентивность* (см. Navránek; Bauer; Поляков) *дефокусация агенса* (см. Храковский), *дезагентивизация* (см. Золотова et al.), *dezagentywacja* (см. Grzegorzukowa; Górski). Все они вырастают и так или иначе связаны с основным и наиболее известным средством «работы» с агенсом – пассивной диатезой. Ср.: «При «переходе» активного оборота в пассивный изменяется структурно-смысловое значение компонентов предложения. Глагол с утратой действительного залога утрачивает и акциональное значение, и актуализационные возможности, агентивный компонент становится факультативным или ненужным, а объектный компонент приобретает вторичное значение субъекта, – носителя процессуального состояния. Можно определить пассивизацию предложения как результат дезакционализации, дезактуализации и дезагентивизации» (Золотова et al. 131).

Отличие русского языка от западнославянских чешского и польского состоит, в частности, в допустимости экспликации субъекта в рефлексивном пассиве. В чешском и польском языках рефлексивные конструкции не допускают экспликации субъекта даже в пониженном ранге, – он просто устраняется. При этом в польском языке объект занимает положенное ему место – место дополнения: *Zupę gotuje się powoli*. Распространены и безобъектные предложения: *Tu się ćwiczy*; *Tak się nie robi*. Эта и ряд других особенностей (отсутствие ограничения на переходность (объектность), возможность образовать такую конструкцию практически от любого невозвратного глагола) привели к тому, что в польской лингвистике имперсонал (безличный пассив) исключается из залоговых отношений, ср.: «Osobliwością polskiej formy zwrotnej bezosobowej na tle stanu ogólnosłowiańskiego jest jej łączliwość z dopełnieniem biernikowym. Wskutek tego i zakres użycia jej jest w polszczyźnie znacznie szerszy. Inne języki słowiańskie w niektórych kontekstach, wyrażających sytuację przedstawione u nas za pomocą tej formy, używają raczej formy zwrotnej w znaczeniu biernym. Tym też zapewne należy wytłumaczyć

przypisywanie tym postaciom przez niektórych autorów, zwłaszcza czeskich, funkcji biernej. (...) Biorąc pod uwagę podstawową cechę, która mimo różnych drobnych niedogodności wspólna jest wszystkim (prócz wyżej wspomnianej) definicjom strony biernej, należy stwierdzić, że forma bezosobowa z *się* nie może być interpretowana jako odmianka *passivum*. Tworzy się ona bowiem bez najmniejszych ograniczeń od wszystkich czasowników, które zgodnie z powszechnym przekonaniem stoją poza obrębem systemu stron» (Wilczewska 153). Похожим образом эти польские конструкции интерпретируются и в русском языкознании, ср.: «Имперсонал, как и другие виды актантной деривации, не является залогом, вопреки тому, что часто утверждается в лингвистических работах, поскольку его значение явным образом не сводится к прагматическому перераспределению коммуникативного ранга, а касается природы ситуации в целом; вместе с тем, при переходе от исходной конструкции к имперсональной такое перераспределение, в силу понятных причин, обязательно происходит. Отсюда – тесная связь имперсонала с залогом. (...) Все актанты, в том числе прямое дополнение сохраняют свое исходное синтаксическое оформление, и только субъект получает имперсональную интерпретацию (‘неопределенное лицо’). Более того, конструкции типа (20)⁴ не относятся к пассивам даже формально (хотя такая трактовка и встречается), потому что польские пассивные причастия (которые мы ожидаем увидеть в случае «нормального» пассива) имеют в среднем роде окончание -e, а не -o, так что польский использует здесь особый имперсональный показатель -no/ -to, не совпадающий ни с какими другими показателями залога и актантной деривации. Но исторически он, конечно, восходит к суффиксу пассивных причастий» (Плунгян 218).

В чешской лингвистике, напротив, эти структуры рассматриваются в рамках пассива (см. Navránek; Bauer). Более того, и лично-пассивные, и безлично-пассивные, и причастные пассивные конструкции, а также неопределенно- и обобщенно-личные предложения с глагольными формами 2 л. ед. ч., 3 л. мн.ч. и др. рассматриваются в рамках категории *деагентивности*, противопоставленной *агентивности* (Поляков 120). Эта категория позволяет включить в круг рассмотрения не только пассивную, но и другие виды диатез. Именно этой категорией в качестве *definiens* воспользовался польский исследователь Р. Гурски при разра-

⁴ Под «типом 20» приводятся следующие примеры из польского языка: а) *Zapukano do drzwi* ‘В дверь постучали’; б) *W kociole bigos grzano* ‘В котле грели бигос’ (А. Мишкевич) (Плунгян 218).

ботке так называемой *маркированной диатезы* (*diateza nacechowana*), под которой понимается «*dezagentyzacja wyrażona przy pomocy środków formalnych (składniowych lub morfologicznych)*» (Górski 50). Среди конструкций, составляющих данную категорию, автор рассматривает:

– причастные пассивные формы с глаголами *być/ bywać, zostać/ zostawać*;

– псевдореклексив с объектом *in situ*: *Gniazda buduje się wysoko, Latem okna otwiera się szeroko*;

– псевдореклексив с повышением ранга второго актанта: *Dzisiaj płyty generalnie źle się sprzedają*;

- имперсонал (*bezosobnik*): *Gniazda zbudowano wysoko* (Górski 50).

В кругу англоязычных работ под имперсональностью (безличностью) в большинстве случаев понимается именно деагентивность (см. Malchukov, Siewierska).

Термин безличность появляется и в исследованиях по функциональной стилистике, преобразившейся позже в стилистику текста, как одна из черт научного и официально-делового стиля, ср.: «Как известно, научной речи свойственна «безличность» изложения, т.е. стремление не называть деятеля, с тем, чтобы сосредоточить свое внимание на самом действии, придавая изложению, таким образом, обобщенный, обезличенный характер» (Синев 42); „Później uczeni zaczęli posługiwać się dla wyrażenia coraz bardziej specjalistycznych treści „sformalizowanym i bezosobowym” językiem. (...) Na miano języka „sformalizowanego i bezosobowego” zasłużył sobie język nauki nie tylko za używanie symboli, powielanie ograniczonej ilości modeli tekstów i zdań, preferowanie określonego słownictwa, ale także z powodów fleksyjnych. Weźmy pod uwagę czasowniki w (1) [omawiany przez autora przykład / fragment tekstu naukowego – T.K.]. Wszystkie użyte są w formie czasu teraźniejszego, ale nie oznaczają stanu teraźniejszego, ich znaczenie jest bardziej abstrakcyjne – mówią o stanie, który trwa stale, ma charakter ponadczasowy. Prawie wszystkie występują w formie 3. osoby, ale nie oznaczają osoby. Czasownik w 1. osobie *ma-my* można łatwo zastąpić: *Istnieje następujące twierdzenie Cramera*. Autorские „ja” w obu fragmentach jest skryte” (Gajda 79, 81).

Как видно из приведенных цитат, под «безличностью» понимается устранение автора / деятеля для придания изложению обобщенного характера. К средствам устранения автора относят чаще всего использование предложений, называемых в грамматиках безличными, а также предложений с пассивной диатезой.

Как следует из этого краткого обзора, исследования безличности сосредоточены вокруг четырех основных элементов: *лицо – подлежащее – (семантический) субъект – автор*, а под безличностью в разное время и в разных парадигмах понимается отсутствие подлежащего (бесподлежащность), отсутствие субъекта (бессубъектность), отсутствие агенса (деагентивность) и проч. Порядок расположения элементов отражает и направленность лингвистического анализа: от морфологической категории глагола через морфолого-синтаксическую категорию до языковых функционально-семантических категорий и категорий стилистики. При этом внимание переключается с синтаксической структуры (подлежащее) на семантическую (субъект), а семантика исследуемого элемента конкретизируется (агенса, автор).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бондарко, Александр В. *Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка*. Языки славянской культуры, 2002 [Bondarko, Aleksandr V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka*. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002].
- Гак, Владимир Г. *Языковые преобразования*. Языки русской культуры, 1998 [Gak, Vladimir G. *Yazykovyye preobrazovaniya*. Yazyki russkoy kul'tury, 1998].
- Галкина-Федорук, Евдокия М. *Безличные предложения в современном русском языке*. Изд-е 2-ое. УРСС, 2012 [Galkina-Fedoruk, Yevdokiya M. *Bezlichnyye predlozheniya v sovremenном russkom yazyke*. Izd-ye 2-oye. URSS, 2012].
- Золотова, Галина А. „Понятие личности / безличности и его интерпретации”. *Russian Linguistics* 24 (2000), ss. 103-115 [Zolotova, Galina A. „Ponyatiye lichnosti / bezlichnosti i yego interpretatsii”. *Russian Linguistics* 24 (2000), ss. 103–115].
- Золотова, Галина А., Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Наука, 2004 [Zolotova, Galina A., N.K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. Nauka, 2004].
- Плунгян, Владимир А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. Эдиториал УРСС, 2000 [Plungyan, Vladimir A. *Obshchaya morfologiya. Vvedeniye v problematiku*. Editorial URSS, 2000].
- Поляков, Дмитрий К. „Структурно-семантическая характеристика пассивных конструкций в чешском языке на фоне русского (к проблеме межъязыковой асимметрии)”. *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология 6 (2010), ss. 116-127 [Polyakov, Dmitriy K. „Strukturno-semanticheskaya kharakteristika passivnykh konstruktсий v cheshskom yazyke na fone russkogo (k probleme mezh'yazykovoy asimmetrii). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya 9 (2010), ss. 116-127]

- Русская корпусная грамматика* [Russkaya korpusnaya grammatika]. <http://rusgram.ru/%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>. Accessed 13 May 2020.
- Синев, Роальд Г. „Безличный пассив в немецкой научной речи и его соответствия в русском языке”. *Преподавание иностранных языков. Теория и практика*. Наука, 1971, сс. 41–46 [Sinev, Roal'd G. „Bezlichnyu passiv v nemetskoj nauchnoy rechi i yego sootvetstviya v russkom yazyke”. *Prepodavaniye inostrannykh yazykov. Teoriya i praktika*. Nauka, 1971, ss. 41–46].
- Тупикова, Наталья А. *Формирование категории ин-персональности русского глагола*. Изд-во ВолГУ, 1998 [Tupikova, Natal'ya A. *Formirovaniye kategorii in-personal'nosti russkogo glagola*. Izd-vo Volgu, 1998].
- Федосюк, Михаил Ю. *Синтаксис современного русского языка, учебное пособие*. ИНФРА-М, 2013 [Fedosyuk, Mikhail Yu. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka, uchebnoye posobiye*. INFRA-M, 2013].
- Храковский, Виктор С. „Пассивные конструкции”. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*, ред. Александр В. Бондарко, Наука, 1991 [Khrakovskiy, Viktor S. „Passivnyye konstruktсии”. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogo-vost'*. Red. Aleksandr V. Bondarko, Nauka, 1991].
- Шведова, Наталья Ю. и др., ред. *Русская грамматика*, т. 1: *Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология*. Наука, 1980 [Shvedova, Natal'ya Yu. et al., red. *Russkaya grammatika, t. 1: Fonetika, fonologiya, udareniye, intonatsiya, slovo-obrazovaniye, morfologiya*. Nauka, 1980].
- Bauer, Jaroslav, i Miroslav Grepl. *Skladba spisovné češtiny*. SPN, 1975.
- Doros, Aleksander. *Verbalne konstrukcje bezosobowe w języku rosyjskim i polskim na tle innych języków słowiańskich*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975.
- Gajda, Stanisław. *Współczesna polszczyzna naukowa: język czy żargon?* Wydawnictwo Instytutu Śląskiego, 1990.
- Górski, Rafał L. *Diateza nacechowana w polszczyźnie. Studium korpusowe*. LEXIS, 2008.
- Grzegorzczukowa, Renata. *Wykłady z polskiej składni*. Wydawnictwo Naukowe PWN, 1996.
- Havránek, Boguslav. *Genera verbi v slovanských jazycích I*. Nákladem kr. české spol. nauk, 1928;
- Koneczna, Halina. „Tysiące gwiazd świeciło”. *Poradnik Językowy*, z. 1, 1949, ss. 14-15.
- Lachur, Czesław. *Współczesny język rosyjski: system gramatyczny (z ćwiczeniami)*. Dariusz Karbowski, 2002.
- Malchukov, Andrey L., and Siewierska A., eds. *Impersonal Constructions: a Cross-Linguistic Perspective*. John Benjamin, 2011.
- Wilczewska, Krystyna. *Czasowniki zwrotne w języku polskim*. Towarzystwo Naukowe Toruńskie, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966.

KATEGORIA BEZOSOBOWOŚCI/IMPERSONALNOŚCI
W BADANIACH LINGWISTYCZNYCH:
PARADYGMATY INTERPRETACJI

Streszczenie

W artykule dokonuje się przeglądu różnych stanowisk rosyjskich i polskich badaczy wobec kategorii bezosobowości. Odnotowano, że ujęcia bezosobowości skupiają się wokół czterech głównych elementów: osoby, podmiotu gramatycznego, podmiotu semantycznego, autora tekstu, a bezosobowość odpowiednio oznacza brak wyrażonej osoby, brak wyrażonego podmiotu gramatycznego, semantycznego albo autora. Kolejność wymienionych elementów odzwierciedla kierunek analizy lingwistycznej w odniesieniu do tytułowej kategorii, która na początku była mocno związana z morfologiczną charakterystyką czasownika, w okresie późniejszym zaś nabrała cech kategorii funkcjonalno-semantycznej.

Słowa kluczowe: bezosobowość/ impersonalność; kategoria bezosobowości/impersonalności, podmiot semantyczny; podmiot gramatyczny; dezagentywizacja.

THE CATEGORY OF IMPERSONALITY
IN LINGUISTIC ANALYSES: PARADIGMS OF INTERPRETATION

Summary

In this article, the author discusses different interpretations of impersonality as proposed by Russian and Polish researchers. It is noted that analyses of impersonality concentrate on four pivotal elements: person – grammatical subject – semantic subject – author, and in different paradigms impersonality means the lack of a grammatical subject, a semantic subject, an author, etc. The order of the elements reflects the direction of the linguistic analysis: starting with the morphological characteristics of the verb, it ends with the functional and semantic categories.

Key words: impersonality; impersonal constructions; grammatical subject; semantic subject; agent defocusing.